

10 ЯНВ 1936

Театр советской оперы

К гастролям ленинградского акад. Малого оперного театра

1.

Афиши сужили зрелище, достойное «очей самого государя». И тогда тяжелый роскошный занавес впервые двинулся над балетом „Амур в деревне“, — сиятельные лица из царской ложи озарились благосклонными улыбками. Премьера удостоилась „высочайшего“ одобрения. С этой минуты только что отстроенный (в 1833 году) императорский Михайловский театр начал пожирать лавры на поприще французских комедий, идущих попеременно с отечественными водевилями и балетами...

Такова вкратце история ленинградского акад. Малого оперного театра (МАЛЕГОТ), именного иногда и ныне — бывшего Михайловского. Точнее — история его единичской являшки. Ибо подлинную историю оперного театра следует начинать лишь с момента великого Октябрьского переворота.

Далеко не сразу обрел этот мой театр собственное творческое лицо. Он шел к своей цели сложным, зигзагообразным путем. Из закулачного филанала б. Марининской оперы ему предстоял переход на самостоятельные рельсы. Он нащупывал их довольно долго.

Годы НЭП'а знаменуют для молодого коллектива длительную „опереточную фазу“. То была пора всевозможных „диганских баронов“, „нищих студентов“, „герольштейнских герцогины“, „поющих жаворонков“ и прочих „певчих птиц“. Все это мелькало почти с калейдоскопической быстротой. Все это стрепалось на скорую руку, наспех — „для публики“. А публика — в театр и не шла.

2.

„Такого совершенного оперного спектакля я до сих пор не видел. Остается одна забота — развивать совершенство актерского мастерства у певцов, которое должно дотянуться до мастерства режиссера“.

Эта высокая оценка была собственноручно занесена в „книгу воспоминаний“ Кокотанином Сергеевичем Стахиславским после спектакля „Прыжок через тень“, поставленного Смоличем в 1926 г.

С этого момента в жизни театра начинается новый, значительный этап. Театр в лице двух

энергичных и талантливых деятелей — дирижера С. А. Самосуда, едва ли не с первых дней существования Малой оперы вставшего за ее пулт, и вновь привлеченного режиссера Н. В. Смолича — приобретает крепкое художественное руководство.

Засл. арт. С. А. Самосуд

Засл. арт. Н. В. Смолич

Коллектив МАЛЕГОТ'а смело строит свой репертуар на свежих новинках западноевропейской и советской литературы. „Прыжок через тень“ и „Джонни Кшенека, Нос“ тогда еще совсем юного Шостаквича — одна за другою следуют талантливые, остро поданные постановки, являющиеся подлинным праздником режиссерского и дирижерского искусства.

И вновь после короткого взлета наступает полоса затишья. Немалая доля вины за это лежит отчасти на РАПМ. Под влиянием господствовавших в ту пору тенденций малеготовцы вынужденно сдают в архив многие из накопленных ими достижений. Советских композиторов, только что было приобщившихся к пр. извостенной жизни театра, резко разделяют на два ла еря (знаменитая рапповская формула: „союзник — или враг“). Часть композиторов замыкается в своих лабораториях. А продукция тогдашних „активистов“ музыкального фронта („За комсом. Петроград“, „Фронт и тыл“) по своим более чем скромным художественным достоинствам не вносит сколько-нибудь ценного вклада в репертуарную сокровищницу театра.

И только после исторического постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. о перестройке литературно-художественных организаций снова создается благоприятная обстановка для дальнейшей плодотворной работы театра. Боевым лозунгом его становятся борьба за создание полноценной советской оперы.

3.

В один из осенних месяцев 1932 года в МАЛЕГОТ явился юноша и робко предложил свою оперу. Юноше в ту пору не минуло еще, кажется, и двадцати лет. А его опера была вообще первым крупным сочинением, написанным им за всю его короткую жизнь.

И все же оперу приняли. А в октябре след ющего года МАЛЕГОТ'овский занавес раскрылся над трагиче кой историей революционного крестьянского вождя Ивана Болотникова, известного под кличкой „Комаринского мужика“.

Музыканты, знавшие партию Валерия Желобинского в том виде, в каком она вышла из под его пера, и слышавшие